УДК 253

Г. В. Чумаков

Образ подлинного пастыря в письмах священноисповедника Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского

Аннотация. Статья посвящена анализу эпистолярного наследия сщисп. Афанасия (Сахарова), еп. Ковровского, как уникального источника, раскрывающего образ подлинного пастыря в условиях гонений XX в. Показано, что пастырство владыки Афанасия проявлялось в расширенном отеческом попечении о многочисленных корреспондентах и в литургическом и богословском творчестве, обращенном к будущему возрождению Церкви. Особое внимание уделяется анализу его «богословия из глубины скорби», в котором тюремное заключение осмысляется как место духовной концентрации и преображения страдания в источник утешения для других. Делается вывод, что пастырский образ владыки Афанасия представляет собой пример служения как внутреннего состояния души, не зависящего от внешних обстоятельств и являющегося эталоном для пастырей в любых условиях.

Ключевые слова: *священноисповедник Афанасий (Сахаров), пастырство, исповедничество, эпистолярное наследие, гонения на Церковь, литургическое богословие, русская церковная история, тюремные письма, пастырское попечение, обновленческий раскол*

Для цитирования: *Чумаков Г. В.* Образ подлинного пастыря в письмах священноисповедника Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7. С. 266–270.

Сведения об авторе: Чумаков Георгий Васильевич — студент 2 курса магистратуры Екатеринбургской духовной семинарии (Российская Федерация, г. Екатеринбург). *E-mail: chumakovge@gmail.com*

В истории Русской Православной Церкви XX в. есть имена, которые сияют немеркнущим светом исповедничества. Среди них — сщисп. Афанасий (Сахаров), еп. Ковровский (2 июля 1887 — 28 октября 1962), проведший в тюрьмах и ссылках в общей сложности около 30 лет. Его обширное эпистолярное наследие, созданное в застенках и лагерях, — не только исторический документ эпохи гонений, но и глубочайший духовный документ, раскрывающий перед нами образ подлинного пастыря, чье служение не прерывалось даже за колючей проволокой.

Оказавшись в изоляции, владыка Афанасий не перестал быть архиереем. В лагере он оставался молитвенным заступником и путеводителем к Богу для непосредственного окружения — заключенных,

© Г. В. Чумаков, 2026

разделивших с ним свои судьбы, а впоследствии — примером искреннего пастыря для всей гонимой Церкви. В письмах к самым разным людям — от председателя Помполита Екатерины Пешковой[1] до матери и духовных чад — он проявляет подлинное отеческое попечение. В официальных прошениях он ходатайствует не только за себя, но и за других заключенных, заботясь об условиях их содержания. В личных письмах он постоянно передает поклоны, благословения, просит рассказать о здоровье и нуждах множества людей. Его сердце, по слову апостола Павла, было «расширено» (2 Кор 6. 11) для всех. Он пишет диакону Иосифу Потапову: «Сердце мое расширено для вас, мои родные и по плоти и по духу, мои милые»[2]. Отметим, что «расширенность» сердца в условиях, где человек ожесточается, способность любить и помнить каждого — ярчайшая черта подлинного пастыря.

Кроме того, пастырское сердце владыки Афанасия было не просто вместилищем человеческой любви и сострадания — оно было устроено по образу литургическому, где любовь к ближнему неотделима от любви к Богу и ревности о богослужении. Даже в лагере, работая ассенизатором или вязальщиком сетей, он оставался величайшим литургистом и ревнителем церковной красоты. Его письма полны не только бытовых просьб, но и настойчивых обращений прислать богослужебные книги, бумагу, карандаши. Он постоянно размышляет о незавершенных трудах: о службах всем святым, в земле Русской просиявшим, над составлением которых он трудился, о работе над Уставом, об статье «О поминовении усопших»[3]. Отметим, что еще одна грань пастырского служения — служение истине и красоте православия. Он понимал, что его труд — это вклад в будущее возрождение Церкви. «Мне кажется, оно очень нужно и полезно

[1] Е. П. Пешкова (1878–1965) — дочь самарского дворянина, первая жена Максима Горького. В апреле 1918 г. стала заместителем председателя Московского комитета общества «Политический Красный Крест» (с 1922 г. — «Помощь политическим заключенным»).

[2] *Афанасий (Сахаров), еп.* Собрание писем // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/sobranie-pisem-episkopa-afanasija/ (дата обращения: 01.11.2025).

[3] *Афанасий (Сахаров), еп.* О поминовении усопших по уставу Православной Церкви // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/o-pominovenii-usopshikh-po-ustavu-pravoslavnoi-cerkvi/ (дата обращения: 01.11.2025).

для Церкви Божией»[4], — пишет он, сокрушаясь, что не может работать из-за отсутствия книг. Подлинный пастырь думает не только о сиюминутных нуждах паствы, но и о сохранении и преумножении духовного и литургического богатства, которое станет пищей для будущих поколений. Его пастырство было обращено не только в современность, но и в грядущее, в вечность.

Содержание писем владыки Афанасия свидетельствует, что верность церковному преданию и канонической истине с особой силой проявилась в его исповеднической позиции по отношению к расколам, потрясавшим Церковь. В условиях, когда Церковь терзали расколы, в первую очередь обновленческий, владыка Афанасий являет пример абсолютной верности канонической правде. Его письма полны твердых и ясных оценок. Он называет обновленцев «отступниками», «лжеепископами», носителями «духа злобы». В письме к матери из Владимирской тюрьмы (1926 г.) он наставляет: «...усердно прошу всех православных отнюдь не ходить в те церкви, где поминается ВЦУ. Лучше совсем остаться без службы церковной, чем участвовать в кощунстве вместе с отступниками»[5]. Отметим, что его твердость не перерастает в озлобление. Он проводит различие: «Конечно, ни о каком общении с ними у нас и речи быть не может... Но озлобления против них у нас нет и не должно быть. Определено, что они носят на себе каинову печать, стеная и трясясь ходят»[6].

Поразительно, что именно из глубины скорби он находит силы утешать корреспондентов, у которых, как он сам с удивительной проницательностью признается, жизнь часто была тяжелее, чем у него в лагере. Его письма становятся настоящим лекарством для душ, измученных не только бытовыми трудностями, но и духовным одиночеством в условиях гонений. Он называет тюрьму местом, где можно укрыться от «пакостей» мира и «заразиться» духом отступничества, переворачивая обывательское представление о свободе и заключении. Определено, что уникальное «богословие изнутри скорби», которое может родиться только в сердце, всецело преданном воле Божией, способном видеть Божий Промысл даже в самых трагических обстоятельствах. Подлинный пастырь умеет изливать утешение

[4] *Афанасий (Сахаров), еп.* Собрание писем.

[5] Там же.

[6] Там же.

на других именно потому, что сам черпает его из неиссякаемого источника — из опыта личного участия в страданиях Христовых.

Весь его исповеднический путь — это воплощение Евангельских слов: «Пастырь добрый полагает жизнь за овец» (Ин 10. 11): он полагал жизнь не в одном акте мученической смерти, а в ежедневном многолетнем умирании — в лишениях, болезнях, унижениях, в разлуке с близкими и с любимым делом. Отметим, что было непрерывное исповедничество длиною в три десятилетия, где каждый день требовал нового самоотречения. Но и в изнурительном подвиге он видел Промысл Божий, смиряясь и говоря: «Буди воля Господня»[7]. Его жертва была не громкой и эффектной, но тихой, постоянной и оттого особенно пронзительной — жертвой всего себя без остатка.

Таким образом, целостный образ пастыря в письмах сщисп. Афанасия Ковровского, — это образ человека, чье пастырское служение принципиально не зависело от внешних обстоятельств. Ни тюремные стены, ни лагерные бараки, ни физическое изнеможение не могли отнять у него его главного служения — быть отцом, учителем, молитвенником и утешителем. Его пастырство было не функцией или должностью, но органичным состоянием его души, пронизывающим все его существо. Оно проявлялось в неустанной заботе о ближних, в ревности о чистоте веры, в творческом литургическом труде и в неизменном благодарном принятии воли Божией. Письма, пропитанные духом евангельской любви и святоотеческого предания, остаются не только историческим документом, но настольной книгой и высоким образцом для всякого, кто стремится нести звание пастыря в любых, даже самых тяжелых условиях, напоминая, что подлинное пастырство начинается не с внешних атрибутов власти, а с внутреннего преображения собственной души, способной любовью и верой преодолеть любые стены и преграды.

Источники и литература

Афанасий (Сахаров), еп. Собрание писем // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/sobranie-pisem-episkopa-afanasija/ (дата обращения: 01.11.2025).

Афанасий (Сахаров), еп. О поминовении усопших по уставу Православной Церкви // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/o-pominovenii-usopshikh-po-ustavu-pravoslavnoi-cerkvi/ (дата обращения: 01.11.2025).

[7] *Афанасий (Сахаров), еп.* Собрание писем.

Georgiy V. Chumakov

The Image of a True Shepherd in the Letters of Holy Confessor-of-Faith Athanasius (Sakharov), Bishop of Kovrov

Abstract. The article analyzes the epistolary legacy of Hiero-confessor Athanasius (Sakharov), Bishop of Kovrov, as a unique source that reveals the image of a true pastor in the conditions of 20th-century persecutions. It is demonstrated that the pastoral ministry of Bishop Athanasius manifested itself in an "extended" paternal care for his numerous correspondents, as well as in Bishop's liturgical and theological creativity directed toward the future revival of the Church. Special attention is paid to the analysis of his "theology from the depths of sorrow", in which imprisonment is understood as a place of spiritual concentration and the transformation of suffering into a source of consolation for others. It is concluded that the pastoral image of Bishop Athanasius is an example of ministry as an inner state of the soul, independent of external circumstances and serving as a standard for shepherds in any conditions.

Keywords: *Holy confessor-of-faith Athanasius (Sakharov), pastoral care, confessionalism, epistolary legacy, persecution of the Church, liturgical theology, Russian church history, prison letters, pastoral care, Renovationist schism*

For citation: Chumakov G. V. The Image of a True Shepherd in the Letters of Holy Confessor-of-Faith Athanasius (Sakharov), Bishop of Kovrov. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia = Church. Theology. History,* 2026, no. 7, pp. 266–270. (In Russ.)

About the author: Chumakov, Georgiy Vasilievich — 2nd-year Master's student at the Department of Church History and Philology of Ekaterinburg Theological Seminary (Russian Federation, Ekaterinburg). *E-mail: chumakovge@gmail.com*